

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX

ВЕКА:

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

II международная
научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург
пос. Поляны Ленинградской области

1-5 июля 2001 года

ние, — разорванное понятие. Поэтому у всех персонажей Пелевина множество разных личностей. Одним широким движением Пелевин разоблачает и стремление личности отождествиться с некой моделью, и попытку отличиться определенными чертами характера, которые никак не могут быть адекватными многосторонности и гибридности личности.

Можно говорить о полном взрыве текста, осколки которого висят в каком-то неопределенном и как бы нейтральном пространстве, где развивается игра. В этой неопределенности, которую Пелевин называет «пустотой», царит критический ум, ибо за всеми голосами признается одинаковое право на выражение, которое реализуется в непочтительном характере по отношению к объекту речи. Множество голосов отвечает на множество миров и это делает возможными не только пространственные движения, метаморфозы, переходы и семантические сдвиги, но также сопоставление противоположных идей, которые играют своими противоположностями или несходствами.

В заключении хочу уточнить, что для осуществления этих игровых конструкций Пелевин пользуется литературным обманом, загадкой без решения и диссимуляцией. Эти художественные приемы свидетельствуют о том, что Пелевин не хочет определять своих позиций и что он всегда предпочитает сомнение окончательному решению. Сопоставляя литературные, исторические и социологические факты с элементами чистой выдумки, Пелевин предлагает нам дискуссию, которую он хочет оставить открытой. Это нежелание давать ответы может раздражать читателя, который иногда чувствует себя в тупике, но, на мой взгляд, это прежде всего сильное выражение неограниченного и безусловного участия.

Дмитрий Бак

Москва

«ЕДИНСТВО И ТЕСНОТА»: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ РОМАНА Б.ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

1 Попытки выявить и описать конструктивные принципы пастернаковской прозы имеют давнюю историю, начиная с работы Р. Якобсона, выдвинувшего единый «*метонимический принцип*» строения поэзии и прозы Пастернака (Jakobson, 1935).

2 Вопрос о композиции романа «Доктор Живаго» в большинстве работ ставился и решался в непосредственной связи с проблемой взаимодействия стиха и прозы в художественной системе романа (Оболенский, 1962, Ржевский, 1962, G. Struwe, 1970, Potorska, 1975, Сега.л, 1981, B. Gasparov, 1989, Birnbaum, 1989, Магомедова, 1993. См. также Бак, 1992).

3 Представляется возможным и перспективным вернуться к вопросу о композиции романа Пастернака с учетом модифицированного использования классических тыняновских понятий «*единство и теснота стихового ряда*», противопоставление «*сукцессивности*»/«*симультанности*» поэтической/прозаической речи (Тынянов, 1924).

4 При этом необходимо учитывать уточнения М Л Гаспарова, сопоставившего категории «сукцессивности»/«симультанности», соответственно, с актами «первочтения»/«перечтения» (М Гаспаров, 1988)

5 *Единый конструктивный принцип* пастернаковского романа, основанный на динамическом взаимодействии поэтической и прозаической речи, можно описать путем сопоставления и объединения понятий, в тыняновской концепции стихотворного языка рассмотренных обособленно. В основании уникального сосуществования в романе Пастернака лирического и эпического начал следует усматривать одновременное сохранение *стихового* принципа «единства и тесноты», а также ориентированной на восприятие *прозаической* речи «симультанности», существенным образом предполагающей «перечтение» (по М Л Гаспарову)

6 Выдвинутая гипотеза позволит уточнить и модифицировать авторитетные алгоритмы композиционного анализа прозы Пастернака универсально-метонимический (Р О Якобсон) и музыкально-лейтмотивный (Б М Гаспаров)

7 Применение тыняновских характеристик стихотворного языка позволит также по-новому осветить проблему отношения романа «Доктор Живаго» к традиции национального романного эпоса, в частности, к «Войне и миру» Л Толстого

8 В отличие от ряда известных работ (Jackson, 1978, Griffiths & Rabinowitz, 1980, Mossman, 1986), можно перейти от напрашивающихся тематических сопоставлений книг Толстого и Пастернака (историософские концепции, отношение к индивидуальной воле и т д) к сравнительному анализу поэтики (композиционного строения) обоих произведений

Татьяна Котельникова

Москва

ОТ ГОЛЯДКИНА ДОСТОЕВСКОГО К ГЕРМАНУ НАБΟКОВА: ФАНТАСТИЧЕСКИЙ И РЕАЛЬНЫЙ ПЛАНЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ

В Набоков в романе «Отчаяние», подобно тому, как это происходит в петербургской поэме «Двойник» Достоевского, дает двойную мотивировку событий, связанных с двойником. Роман Набокова — продолжение «безумной, холостой гоголевской линии, до него подхваченной Ф Сологубом» (Г Адамович. Последние новости 5 марта 1936 г.) Принцип «завуалированной фантастики» (Ю Манн) — то, что Адамович называет «безумной холостой линией», Набоков мог унаследовать и от Гоголя, и от Пушкина, и от Достоевского

Петербургская поэма Достоевского «Двойник» построена на принципе «завуалированной фантастики». Из отзыва о «Пиковой даме» можно составить себе представление об идеале фантастического, который имел Достоевский. «Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал пиковую даму, — верш искусства фантастического. И вы верите, что Германн (не будет забывать, что героя романа Набокова зовут Герман — Т К) действительно имел видение и именно соответствующее с его мировоззрением, между тем, в конце повести, т е прочтя ее, вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно